

7 октября, невольно до мушкетера, в центре Берна, сползли с крыши, — Швейцария, на улице Негелингса давался гравитационный спектакль. Исполнителями были полицейские разных чинов в кожаных черных куртках с несуществующими погонами. Режиссеры же подобны представлениям предпочитают оставаться в тени. Но их нетрудно узнать по творческому почерку. Зрителей было много — тысячи прохожих швейцарской столицы более шести часов бесплатно могли наблюдать это постыдное действо. Но в этого устроителя оказалось мало: подключил прессу и телевидение. Счет прожекторов заменил полет жаркое дармоедов солонхо, то, которые ползли в стеклянных, словно витражи, автобусах парадиса и мучились неизвестностью и неопределением 120 человек, имеющих советский паспорт.

В этих усталых людях, наверно, трудно было узнать тех, кем восхищались многие столицы мира, и самые остроумные критики которых, сохранившись в эпитетах и автоловках, превращались в поэтов: «Чудо из Ленинграда», «О, эти великолепные русские!», «Грандиозные гастроли», «Артисты мирового класса», и т. п. Еще вчера они приехали в столицу самую уважаемую публику — «Советский» стран. А сегодня они эта публика, шаркающая по автобусам, когда полицейские на оцененные эмитом подоспели: «Украини русские В восемь драпунков...»

Кому-то не давали покоя эпитеты и заголовки, триумфальные выступления наших артистов и авторитетность критических заяв, чьи-то голоса слышались в эфире англо-советского регистера: «Кто позволял этим русским открывать абонементный сезон в крупнейших концертных залах?», «Целая недоразуменная» и «случайностей» сопро-

ПРОВОКАЦИЯ

Политический спектакль криминальной полиции Швейцарии

возгладал их на сцене в стра-ну.

Ночью 30 сентября молодой музыкант Сергей Шульга увидел человека у окна своего номера в западногерманском отеле «Холлидей-Инн» в городе Ингольштадте. Человек метнулся и к окну соседнего номера. Сергей позвонил в полицию. Его успокоили. Утром оказалось, что у его соседа Бориса Шевелюшкина в паспорте и документах. Прибыла полиция. «Мы задержали его, но отпустили», — пояснил один из блюстителей порядка, — при нем ничего не было обнаружено. Второй проговорился: «Парень сказал, что он было злоб...»

Даже один музыкант без документов — без права передвижения — ставил под угрозу срына весь концерт. «Оставьте господина Шевелюшкина, пожайте дальше, мы работаем», — ответил властям: «У нас так не принято», — ответил руководитель группы Марта Петровна Муркова, заместитель начальника управления культуры Ленгорисполкома.

В Берне уже обнаруживали пограничные чужими руками вещи, сложные замки чемоданов, заставляли в номерах в неурочное время не только горячих, но и быстро ретирующихся «нежных людей».

Они, музыканты Ленинградского ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции театра оперы и балета имени С. М. Кирова, не верили в провокацию. Не верили, когда их, словно преступников, останавливали и вывели в отделение полиции, но ве-

рели, когда рядом тотчас оказался фоторепортер, когда на третьем этаже дома напротив блеснули, исцезли, стекла, и вместо них появились человек с телекамерой и микрофоном, когда в одном из трех автобусов, ведущих советских музыкантов, подошла полицейская и объявила: «Кто из нас вчера в это же время заходил в книжный магазин, что рядом с отелем «Кроуш»?»

Встали два музыканта — Владимир Яковлев и Рубен Рамалоз. Но ни они, ни их друзья и коллеги не верили в ложность цивилизованной страны до тех пор, пока их автобус не затряс в каменный шепок полицейской резервации, пока не залякнулись за ним железные створки ворот, пока 35 советских артистов не выстроили в шеренгу вдоль их собственных чемоданов, а лых — Володю и Рубина — не ушли подчиненные в глубь здания.

«Вам надо, вы и не знаете», — ответил Рубен на требование взять чемоданы.

Рубина еще не догадывались, что прощупать каждый угол, каждый сантиметр не только человека и его содержимого, но и их собственной одежды, которую заставляют снять все, что будут искать в носках, каблуках, нижнем белье. Разве, «их заставляли» делать физические упражнения?

Это было глумление — откровенное, наглое, разнузданное. Под копей обиска полицейские киво погрозители, было видно, что они сами не верили в то, чем их заставляли заниматься.

«Вашим же беды там, на

Негелингса, когда рядом с только что остановленным автобусом появились две женщины. Они смеялись, болтали и ничем не напоминали людей, у которых жизнь исцезла 8 тысяч франков. Правда, потом власти сумели «сконструировали» до 2800, но и этой суммы было достаточно, чтобы кассир и продавцу книжного магазина (так их представляла полиция) потратить не только покой, но и работу.

«Денги пропали после того, как в магазин зашли два покупателя славянского типа и купили книгу у Верне».

Сейчас смуглый, смойная у устый Рубин лишь разводит руками и по поводу «славянского типа», и в отношении пропажи: если и могла быть утрата в книжном магазине такая сумма, то ни продавец, ни кассир от автоматической записи не могли не оставить.

Всего в этом магазине побывало 12 советских музыкантов. И все они единодушно: этих женщины они ни за кассир, ни за продавцов не видели.

Руководителя делегации Марку Муркову и переводчицу Инну Андреевну изолировали сразу: увезли в полицейский участок, через час они добились возможности поговорить с советскими посольствами и с полицией. В припадке патологического антисоветизма они потрошили футуризм с дорогами, подчас уникальными инструментами, кодационными, сиденья, лавочки, входы. Требуя, чтобы все уехали в окно, как

сопровождаемый полицейскими машинами катился на обрыв во двор автобус с их ребятами...

«Если вы откажетесь, мы сделаем обиск насильно», «Стойте, вы не выйдете», «Швейцария никак не может нарушить законов на подчинения, у нас свои законы», — такие ответы заместителя начальника криминальной полиции они помнят. Помнит и то, как он кричал: «Это был рык, распоясавшего дежурного».

Ни о результатах обиска, ни о судьбе руководителя и переводчицы не знали 83 пассажира двух автобусов, стоящих неподатливо от полиции. Швейцарцы, работающие на раскритиканном радио, крикнули им неодобрительно, что следы обиска прямо тряслись по телевизору и что кассир нехорошо.

Тридцать три человека из третьего автобуса по-прежнему стояли, выстроившись в шеренгу, и ждали, пока их не выведут. Обиск продолжался уже около часа.

У Наташи Шляковой, флейтки, стало плохо с сердцем. «Для оказания помощи» ее пригласили в ту же дверь, за которую ушли Рубин и Володя. — Наташа отказалась. Музыканты стали возмущаться — власти не могли принести ни лекарств, ни стула. Один из полицейских все-таки за стулом ушел. Но не вернулся.

А стоявший рядом автобус поначалу не прислал отрывания дожины полицейских. В припадке патологического антисоветизма они потрошили футуризм с дорогами, подчас уникальными инструментами, кодационными, сиденья, лавочки, входы. Требуя, чтобы все уехали в окно, как

стена производила обиск в его присутствия полиция вторглась.

В это время в Цюрихе, в гостинице гостиницы, музыканты ждали главного дирижера театра, народного артиста СССР, лауреата Государственных премий СССР и РСФСР Юрий Темириханов и лауреат Государственной премии СССР, племянник Ленинского комсомола, международного конкурса имени П. И. Чайковского Михаил Плетнев. Они приехали на машине раньше и не верили нежелательным звонкам: «Автобусы арестованы в связи с кражей денег», «Концерт в Цюрихе канарда ли состоится...». На эти они о предложении фирмы, пригласившей их на гастроли, возмещать «ущерб книжному магазину». Они верили только своим работам, а знали, что если обиска по телефону быть не может.

В советском посольстве звонили по самым высоким личностям.

«Ничего не можем помочь», — отвечали там: — дело криминальное, не политическое. Если денег не обнаружат — виноваты не отпустят».

«Кто-то автобусы канопен выкатывали на улицу и в него вошли Рубин, Володя, Марта Петровна, их нетерпеливо аплодировали».

105 километров до Цюриха автобусы неслись с бешеной скоростью. Прямо в машине не давались франки, извлеклись инструменты, настраивались. Темпировали стоял на улице, у концертного зала, и целовал всех выпавших из автобуса подряд. Плетнев уже почти час играл на сцене.

Он исполнил Ваха и видел, как некоторые, недолговечные задержки оркестра, покидали публику. Это не только мое впечатление, но и мнение швейцарских критиков, которые о музыке чересчур остро пишут...

Через несколько минут вышедший было зритель потонул обратно... Это было 7 октября. В День Конституции СССР. Именно в

этот день советскими артистами продемонстрировали прелести халявной буржуазной демократии.

А что же было потом? Потом — аршинный заголовок в бульварной газетке «Вилли»: «Бернская полиция потрошила советских музыкантов» и ошеломительные строки статьи не яв, иллюстрированной фотографией ошеломленного автобуса: «Правда, без успеха».

Нет, господа, успех был. Не ваш — другой. Вот он: «Все 120 музыкантов... продемонстрировали... третью музыкальную культуру». Изумительная техника Михаила Плетнева, или почти утраченная яркость образов («Браушмейстер дайту»).

«Чувство музыкальной интуиции», «Груфф смелых и ласкательных слушателей советских музыкантов, Очерочные блистательного оркестра» («Виселдер таблатта») и многие другие...

И было одно письмо, пришедшее в Ленинград недавно. Оно адресовано директору театра М. Крастину:

«...Был безумно рад нашей с Вами встрече в Цюрихе и до сих пор страшно переживаю, что она состоялась в такой несчастный день: и считаю его несчастным не только для Вас, но именно для нашей страны, ведь я никогда в жизни не испытывал такого позора за вас. Трудно даже представить, как нам обрало такое пятно сияется...»

Остается все-таки утешение, что Ваш оркестр в неимоверно трудной обстановке полностью вывел на юрискую публику. Это не только мое впечатление, но и мнение швейцарских критиков, которые о музыке чересчур остро пишут...

Это письмо пришло в Ленинград швейцарцем — человеком являющим и авантюристом. Но главное — честный человек.

Ю. ГЕЙКО.
(Нам след. жорр.).
Ленинград.